

КИРИЛЛ МЕЛЬНИК

ФЕНОМЕН САВИЦКОГО

Прошло восемь часов с момента двухчасового разговора с Михаилом Андреевичем – это незабываемое событие в жизни. Его взгляд – острый, орлиный, пронизывающий, одухотворенный. Его изложение мысли, работа слова – не хуже, чем у первоклассного писателя.

За эти два часа перед моим душевным взором прошла почти вся его жизнь. И после концлагеря это была борьба, жесточайшая схватка.

То ли Эккерман, то ли еще кто-то сказал о Гете, что в нем было величие. То же могу сказать о Михаиле Андреевиче.

Я спросил, что он думает о своей “коммунистической” живописи, он ответил: “Это суровый стиль”. Наверное, эти слова можно отнести ко всей его жизни – суровый стиль.

Запомнились его слова, что трагедию войны никто так и не выразил в живописи. Еще он сказал, что люди не просто воевали, а жертвовали собой.

Какое же это было чудо – слышать и видеть его жизнь, залитую внутренним светом. Я почувствовал, что в Савицком есть что-то такое, высокое, что вызывает любовь и успокаивает.

3 июня 2004 г.

Застал Михаила Андреевича за обедом. Аскетичный человек – довольствуется бутербродами, прямо около мольберта.

Разговор зашел о двух моих портретах. Глядя на один из них, он прежде всего спросил, кто она мне. И уточнял мой ответ, как будто чувствовал, что в пронизывающем взгляде девушки было нечто большее, чем просто внимание.

Мы подошли к мольберту, и разговор зашел о его картине (тройной портрет – Сталин, Рокоссовский, Жуков. Ангел в левой стороне картины держит над двумя маршалами венок, Сталин поодаль справа).

– Они сделали победу. Сталин – гений.

Он вспомнил высказывание Сталина: “От нищеты и разрухи до человека в космосе”. Первый космический полет был выполнен всего через восемь лет после смерти Сталина. Страна, которая дала Байконур, все-таки была под руководством Сталина.

Вспомнил, как на каком-то заседании или банкете он видел Сталина.

– Грузин, грузинского в нем было больше, чем это кажется на фотографиях. Нос длинный, как у вас (у меня, то есть; простите шутку).

– У меня не очень длинный.

Рассказал анекдот. Сталин говорит:

– Товарищ, если вы будете обижать товарища такую-то, то я вас повешу.

– За что, товарищ Сталин?

– За шею.

Затем я спросил:

– Чувствовалась тогда, когда вы видели Сталина, его мощь диктатора?

– Да, Сталин – гений.

Потом я показал свою последнюю трагедию “Так идут к звездам”. Он остановился на строчках: “Малое количество личностей – вот актуальная проблема славянского этноса”.

– Нет. Вы знакомы с наследием Лосева? – спросил он.

– Алексея Лосева? Да, конечно.

– Лосевские труды – гениальное творчество.

Потом вспомнил, как он послал письмо Лосеву с просьбой выслать фотографию, по которой затем написал портрет.

Затем перешли к теме Дали и Пикассо. Савицкий, бесспорно, осмысливал феномен этих людей, причины их всемирной славы. Будучи сам большой величиной, он наверняка невольно соотносил себя с ними. Про Дали сын Савицкого выразился: “Человек, имевший незаслуженную славу. Весь этот миф Дали – все пустой фарс”.

После слов Савицкого: “Дали создал о себе легенду”, я подумал, что Михаил Андреевич тоже создал о себе легенду, только подлинную легенду большого художника, а не фарс, как в случае с Дали, точнее, не он создавал легенду, а легенда окутывала его. Его духовная сила и благородство получили должное, иначе и быть не могло.

Про Пикассо Савицкий сказал просто:

– Пикассо – все-таки художник.

В конце беседы, после вопроса, есть ли у меня домашние животные, на что я ответил – кот, меня поразило, что у него в доме (отдельном доме) живет 14 собак. Любовь к животным, к живым существам, не приносящим ни боли, ни огорчения, ни пошлости и в то же время не дающим так остро чувствовать одиночество. Его автопортрет с собачонкой – в пальто, с высунувшейся мордочкой из прорези, – одно из лучших поздних произведений. Что-то невыразимо трогательное и в то же время благородное есть в этой паре – восьмидесятилетний художник и собачонка, пригретая на груди.

31 июля 2004 г.

Разговор начался с обсуждения моей работы “Вид Земли с космического полета”.

– С чего это вы такой темой занялись?

– Хочу роман про современную космонавтику написать, уже больше чем полгода занимаюсь этой темой. В науке это называется небесная механика. Решил воплотить в живописи.

– Живопись – это человеческие отношения и отношение художника к явлениям, космос же – область науки.

Суждение, похоже, верное: космос – это наименее человеческая из всего возможного область. Даже техника, включая самые фантастические формобразования, – все это все равно человеческое. А от мира астрономии и космологии веет леденящим холодом (слишком разные масштабы человека и космических явлений). Да, где-то Савицкий прав, но...

– Но фотография никогда не даст того, что я изобразил на полотне. Формально я организовал изображение, привел воздушные массы и свет в гармонию, так что эта картина принадлежит не только к области науки, но и человека. Во всяком случае, такое не часто увидишь. Да и никакой космический центр не вышлет мне такого качества и формата снимков.

После передал лист – “Размышление о “Партизанской мадонне” (Минской) Савицкого” следующего содержания.

Перед зрителем изображение на холсте – особое измерение, отличное от реальности и фотографического отображения, все здесь, как и во всяком большом творении живописи – символ, метафора, и само измерение “Партизанской мадонны” – это измерение войны. “Воздух” в картине не просто смесь азота, кислорода и угольной кислоты, а воздух войны, воздух сорок первого. Реальность мировой войны, прошедшая через чуткую душу художника. Картина – своего рода квинтэссенция жизни партизанской земли. Здесь все – от младенца до старца.

Если вы хотите понять, что чувствовали крестьяне летом сорок первого, то всмотритесь в это полотно. Жизнь, потревоженная громом надвигающейся мировой трагедии, и страшное волнение, приведшее в движение людей, – вот

что на полотне Савицкого. Красавица мать с прекрасным младенцем, напоминающие Богоматерь с Христом, под грозовым небом, под угрозой зверств и страданий — вот что доведено до крайнего напряжения в картине. Может быть, ни в каком другом полотне в истории живописи отвращение к войне не выражено с такой силой. Здесь именно не ужасы, не ярость и гнев войны, а словно звук сирены во время бомбежки, звук, пробирающий до мозга костей, после которого, возможно, будет все по-другому...

Всякий осведомленный человек сразу заметит, что картина перекликается со знаменитой “Сикстинской мадонной” Рафаэля. Думаю, это было своего рода дерзостью — писать “настолько схожую” с известным шедевром картину (и почти в таком же формате). Но картина удалась, и другой, лучшей, она и быть не могла. Это смелость и гордость, с которой Савицкий назвал крестьянку мадонной, старика-отца сравнил с папой римским, а мать — со святой Варварой.

Насчет самой живописи. Общая гармония цвета — восхитительна, соотношение теплых коричневых и телесных с холодными оттенками — великолепно, холодный оттенок тела женщины, румянец на лице — удивительны. Изображение складок одежд, земли и неба, как почти везде у Савицкого — полуреалистичное (чем-то напоминает Эль Греко). Одежда — не только складки, но и, так сказать, душевное волнение. Земля и небо тоже наполнены “живой вибрацией”. И именно этот “тревожный” стиль соответствует теме картины.

В 1978 году родилось подлинное чудо искусства. Тема матери, так сильно звучащая в темной атмосфере войны, — такого еще не было в живописи. Люди, которые знали Великую Отечественную войну, особенно крестьяне, по своему воспринимали это полотно, другое поколение смотрит на него холоднее, а люди, что будут жить через пять веков... Но и они поймут то, что изображено на этой картине.

— Как вам это показалось?

— Интересный анализ.

Причина создания “Минской мадонны” — случайность. Директор Белорусского государственного музея Елена Аладова как-то сказала Михаилу Андреевичу, что есть резная старинная рама...

— Ну, под эту раму я напишу картину, — ответил он.

Работа велась за закрытыми дверями (вспомнилось, что Шпенглер вешал во время работы над “Закатом Европы” табличку “В отъезде”).

Над словами Савицкого “Пишу полотно о всей партизанской земле” художники смеялись. В Беларуси картина не сразу была воспринята, и только на московской выставке ее по-настоящему оценили. Сделали какой-то плакат, где были репродукции картин, похожих на “Партизанскую мадонну”. На что скульптор Балашева сказала: “Мадонна Савицкого здесь гордо главенствует”. Но прежде была создана первая “Партизанская мадонна”, тоже одна из особенно дорогих для него картин, которая выставлялась сразу в Москве, где по поводу нее шептались: “Почему мадонна, почему с ребенком, зачем во время войны рожать?”

В картине есть стилистическое сходство с “Петроградской мадонной” Петрова-Водкина.

— Вы думали о ней?

— Эту картину я люблю. Особенного ничего в Петрове-Водкине не нахожу, а “Петроградскую мадонну” люблю.

Первая “Мадонна” осталась в Третьяковской галерее. Беларусь потеряла эту картину, как потеряла и “Поле”. А также не смогла достойно сохранить свою “Партизанскую мадонну”. Мне было больно смотреть на трещины (картину варварски крутили в свиток). И даже не подумали выставить в музее.

— Расскажите про “Витебские ворота” и “Поле”.

— “Витебские ворота” в Минске имели печальную историю, полотно даже заклеивали бумагой, из-за чего чуть не началось судебное разбирательство. Было время, когда картина валялась на полу, кто угодно мог продавить ее ногой, и только когда профессионал из России отвернул ее от стены и сказал: “Это же то, что нам надо”, — началась другая история этой картины. Ее отравили в Москву. Оттуда пришло письмо — мне назначали 80 тысяч рублей (в 1968 году за эти деньги можно было купить десять легковых автомобилей. — К. М.). Не верил глазам, цифру восемьдесят исправил на тридцать, но выслали восемьдесят. Рассчитался с поджимавшими долгами.

Интересно, как он работал над избранной темой. Что такое Витебские ворота, никто толком не знал. Все попытки узнать, где это и что это, оказались безуспешными. Витебские ворота были артерией для оккупированной территории. Люди, которые переходили через это место, слепли от тяжестей.

— Я решил, пусть это будет проход между двумя холмами, — говорил он.

“Витебские ворота”, думаю, — одно из лучших монументальных эпических творений Савицкого. Все здесь так красноречиво, что можно лишь молча наслаждаться полотном. Я же хочу лишь заметить, что солдаты, идущие поверх холмов, — это те самые солдаты, что слепли от усилий, а люди, идущие на зрителя, — это движение к жизни, к спасению, на лицах написана не радость спасения, а только надежда на жизнь, жажда жизни. Красное небо, темный холм позади заснеженной земли создают зловещее пространство, из которого выходят люди. После создания этой картины материальное положение Михаила Андреевича улучшилось — довольно поздно, ему было уже сорок пять. Это не случайная удача, а закономерность. Конечно, его живопись могла остаться и где-то приставленной к стенке. Могли бы не появиться нужные люди в нужный момент. Но верится, что все произошло так, как должно было быть.

Картина “Поле” на выставке в Москве стала главной.

— Что смотреть, что смотреть? Да, кроме Савицкого, и нечего смотреть, — говорили московские художники, а я сидел рядом и слушал, они-то в лицо меня не знали.

“Поле” — это монументальная симфония о главном потрясении XX столетия. В этой картине мысль Савицкого об освободительной войне достигла максимально обобщающей силы и не вышла за реалистическую систему, как в росписи. Внимательно посмотрите на это поле ржи. Да, ощущение большого открытого пространства. А рожь? Нет, в действительности поле ржи не такое, у Савицкого получилось “море”. Дело в том, что поле в картине гораздо больше обычного. Здесь целая степь. Рожь Савицкого, простирающаяся за горизонт — это все земли, по которым прошла “черная смерть”. А его темно-коричневое небо — это небо над всеми землями войны. Я хочу продолжить сравнение картины с симфонией. Два мертвых солдата как скорбное вступление, далее кульминация — бой, сцепление солдат самое яростное и неистовое — рукопашная схватка. Перед нами короткое, бешеное сцепление двух сил, которые через мгновение станут трупами, и далее тема картины уходит в метафизически черные силуэты солдат. И конечно, динамика картины как бы озвучивает слова: “Выталкиваем, выпихиваем эту грязь”. Вот она, речь живописи, свободно выражающая человеческую мысль. То, о чем здесь говорит художник, понятно всем — и русскому, и китайцу, и африканцу.

Вторая мировая война стала судьбой столетия и судьбой Савицкого. Его душа была не там, где сытно и спокойно, нет, его гравитация другая, она — в тех военных годах. Он создавал живопись — немую речь, немую историю, память прожитого, его кисть писала исповедь истории строго, о самом главном. В 1986 году мир облетела весть о Чернобыльской катастрофе. До конца ли нами осмыслен факт, свершившийся тогда? Пройдут века, облик мира изменится, но эти несколько сот километров так и останутся смертоносными.

Михаил Андреевич мне рассказал, что в момент взрыва он находился на даче. И сообщение принял чуть ли не как апокалиптическое знамение.

Прошло несколько лет, и эта черная страница славянской и всеобщей истории получила воплощение в его живописи. Так и должно было быть: сердце большого художника восприняло боль других людей, пропустило ее через себя, а рука создала полотно. Он не надеялся на большие деньги, которые так и не принесли эти картины, он, наверняка, предвидел, что обществу не захочется смотреть вместе с ним в зараженный Чернобыль, и все же написал серию больших полотен.

Наиболее собирательным и монументальным мне показался “Реквием” — песнь для уснувшей вечным сном земли. Как просто и человечно — спустились ангелы с неба, чтобы вспомнить тех, кто здесь жил, и поскорбеть о том, что здесь уже никогда не раздастся радостный человеческий голос. Мне это полотно кажется одним из самых прекрасных в цикле. Именно прекрасным. Это “потустороннее видение”. От полотна веет каким-то загробным покоем. А звезды вокруг ангелов — неземные огни с каким-то удивительно красивым свечением. С одной стороны, мы понимаем, — машинная техника, взорвав-

шийся ядерный реактор, облученные люди, а с другой – ангелы в белых одеждах, поющие скорбную песнь. Вот оно, чудо искусства.

В 1993 году Савицкий написал “Запретную зону”. Картина необычна для его стиля. Язык живописи должен был быть полуреалистичным, чтобы донести то, что хотел сказать мастер. Многозначительное название – “Запретная зона”. Это запретная, зараженная, недоступная смертным зона, с которой ангел подымается с невинными душами. Поднимаются в рай? Это видение завораживает, особенно ангел – белое с черным, смоляные волосы, крылья, платье и белые лик и ступни. Он с непередаваемой красотой наклонил голову, и кажется, что находится во сне и смотрит “невидящим взглядом”. Мазки фона создают впечатление подвижного, динамичного пространства. То, что показано в этой картине, находится за пределом, там – в запретной зоне.

К чуду искусства относится еще и то, что оно стереоскопически показывает то, что в реальности увидеть невозможно, в этом особенно преимущество живописи над фотографией. К душевно надломленной женщине (“Чернобыльская мадонна”) слетели два ангела и перекадывают на траурное ложе младенца – это не действительность, это мистерия, в которой только одна тема: смерть сына, молодости. Эта картина о всех детях, которых убила радиация, и об их матерях. Композиция лаконична и совершенна, четыре фигуры образуют круг, внимание троих сконцентрировано на младенце, мать словно помогает опустить его, и луна в окне – этот диск придает что-то особенное картине, он или как “остров чистых душ”, или как “мертвая планета”, но он здесь нужен.

Теперь о “Покинутых”. Кто-то сказал: “Я могу завидовать уму, деньгам, но не сердцу”. Посмотрите на “Покинутых”, на “Кротких” – полотна не ласкают взгляд, в них нет ничего, что могло бы особенно нравиться, но есть одно – незаменимое, существенное – сердце, в них видно сердце Савицкого. Настоящее человеколюбие – любовь не только к силе, к красоте, но и к немощной старости, к нищим и кротким. Или “Плач о земле”. Савицкий всей душой сочувствует этим простым людям, это понятно зрителю любой национальности. Если бы не было этого стога, этой гуманности, сострадания, картины недорого бы стоили. Чем-то жутким веет от “Покинутых”, люди идут из проклятой зоны со злобещим то ли солнцем, то ли луной – такая луна могла бы светить где-нибудь в Чистилище – и куда выходят старики? В безысходность. Савицкий остался самим собой – он не забыл о тех, кому хуже всех на земле. Преступите через преграду внешнего восприятия, и вы полюбите эти холодные, беспросветные полотна, но где живет неугасающая мысль об обездоленных, старых, кротких, покинутых, где теплится любовь человеческая.

Михаил Савицкий 1990–2000-х годов отличается от прежнего. Картины этого периода – это свое, отдельно стоящее созвездие, это картины со своим светом, цветом, своей линией и динамикой. Поздние, старческие произведения великих людей выглядят более тяжелыми, в них гораздо меньше внешней красоты и доступности. Вспомните последние квартеты Бетховена, скульптуры и рисунки старого Микеланджело, позднего Тициана или написанное незадолго до смерти “Искусство фуги” Баха. Почти во всех этих творениях, как и в позднем Савицком, есть какая-то сумеречная тоска перед приближающейся ночью, иногда благородная простота и спокойное величие. В чем ценность живописи? Живопись – это не просто изображение, чуть хуже фотографии, живопись – это материя, содержащая в себе духовную информацию. Пространство живописи – это пространство, одухотворенное человеком. В этом магия искусства. Никакая, даже самая совершенная фотография не даст того, что делал и делает на полотнах темными красками Михаил Савицкий. Бесконечное сострадание, широта чувства, успокоение в Боге – этим отмечены его поздние работы.

2 сентября 2004 г.

Идешь к Михаилу Андреевичу с легким сердцем, хочется вступить в круг его воспоминаний, размышлений, хочется услышать ответы на вопросы. Эта мастерская – отдельный, замкнутый мир, отстраненный от окружающей реальности, от “бытового сна” “средних” людей.

Михаил Андреевич лежит на диване.

– Проходите, садитесь, что-то с давлением.

Встает, садится. Здоровье часто подводило его, притом страшным образом. Он рассказал о своих обмороках; как-то это случилось в тамбуре поез-

да по дороге в Москву, как-то в присутственном месте, часто бывало, что он лежал какое-то время на полу в мастерской. Сын иногда звонит, проверяет его самочувствие.

– Вся жизнь сумасшедшая была и старость сумасшедшая.

– Seriously?

– Да, – кивает головой.

Смеемся.

– У меня тоже одна четверть сумасшедшая есть.

Напротив меня стоит холст “Размышление о смерти”.

– Давно вы его написали?

– Там раньше былая другая картина. Пришел как-то в крайне депрессивном состоянии в мастерскую, посмотрел на старое полотно и переписал. Буквально за два-три дня. Размышление о смерти, об убийстве человека, человеческие черепа пробивались и пробиваются по сей день.

Да, пробитый человеческий череп – что-то жуткое и противоестественное. Голова человека – носитель мироздания. Универсум, своеобразный центр Вселенной, и пробит. Михаил Андреевич добавил:

– Не понимаю, как можно так низко ставить человеческую жизнь, чтобы ее убивать? Эта картина об убийстве вообще, о самом тяжелом преступлении человека – уничтожении жизни. “Без вести пропавшие” – холст на эту же тему, он был написан всего за какую-то неделю.

– Там три ангела над трупами?

– Да, только это не ангелы, а три ипостаси Творца над горами трупов, над последствиями безумств человеческих.

“Без вести пропавшие” – это могущественное воплощение мысли. Тот редкий случай, когда тема звучит во всю свою силу. “Музыка” этой картины раздается со всей предельной мощью, хочется сравнить ее со звучанием бетховенского или вагнеровского симфонического оркестра. Когда я смотрю на репродукцию, просто застываю в изумлении перед масштабом замысла. Она о всех зверствах, творившихся в ХХ столетии, или нет, точнее сказать, о всех зверствах, творившихся под лунной. Тут самое божественное и самое “дьявольское” собрано воедино, полотно не имеет последнего, конечного смысла и истолкования. Скорее беззвучно поставлен вопрос – как, почему возникли эти горы трупов, как совместить этот факт с Троицей Божеством? Без вести пропавшие – сколько их было за тысячелетия истории? Да и сколько еще будет. “Горы” трупов и три ангела – Единые и Первоначальные – таково неразрешимое противоречие этого шедевра. В большом полотне с названием “Изгнанные за правду” присутствует та же Троица, превышающая человеческие фигуры. Три Ангела незримо сопровождают изгнанников. Обратите внимание, что измерение картины совершенно нереальное. Савицкий сказал, что настоящее искусство передает “законченное”, замкнутое бытие. “Ронданини” Микеланджело как была в XVI столетии, так и останется, и голова фараона как была обослоненным “слепком” времени, жизни и духа Древнего Египта, так им и останется. Научные, философские открытия перекрывают друг друга, более или менее точно отображают явление, а великое искусство самодостаточно и покоится в самом себе. Добавлю, что искусство – это живая неразделимость и отображенный лик живой природы. “Изгнанные за правду” – также живая и неразделимая реальность, в основе которой лежит идея об изгнании, о выдворении на задворки справедливости. Я сейчас размышляю над тем, что за свою большую жизнь Михаилу Андреевичу столько пришлось встретить нелюбви, точнее, ненависти, столько озлобленности и травли.

Многие замечали, что Савицкий весьма тяжелый, сложный человек. Отстаивание своих идей, своего искусства, своего лица стоило больших усилий воли.

Он вспоминал, как ему чуть было не присудили Ленинскую премию. Интересно, что как только в комитете начала работать контрпрограмма, он сам от нее отказался.

– Если вы спорите, не уверены, если вы считаете, что мое искусство недостойно Ленинской премии, то не надо...

Только время есть главный критик искусства, время расставляет все на свои места и показывает, кто чего стоил. В разговоре он как-то заметил, что искусство всемирно известного гения Рембрандта было заново открыто где-то через столетие.

– Баха тоже забывали при жизни и тоже открыли где-то через столетие.
– А Пикассо через два-четыре столетия подешевеет. Должна появиться новая культовая фигура.

В конце разговора мы затронули тему – Вагнер и Ницше.

– Вагнер – великий композитор, я не знаю, почему его музыку втянули фашисты в свои игры. Почему решили, что он выразитель именно национального немецкого духа.

Вопрос об отношении Савицкого к Рихарду Вагнеру и Ницше вынашивался мной давно. Он признал по достоинству и величие Вагнера, и силу Ницше.

– “Так говорил Заратустра” – сильное произведение.

– Да, – подтвердил Михаил Андреевич, – несмотря на свои антихристианские “судороги”, Ницше создал сильную книгу.

Начали рассматривать фотографии с моих картин. Узнав на одной Мирский замок, он сказал:

– Я спас его.

После его настоятельной просьбы, обращенной то ли к Киселеву, то ли к Машерову, начались реставрационные работы.

5 октября 2004 г.

У Михаила Савицкого в этот день были посетители. Он попросил меня подождать в кабинете. Хочется сказать, что эта комната, предвещающая живописную мастерскую, несет в себе печать строгого разума, в таком кабинете себя уютно бы чувствовали и Гете, и Кант. Представьте себе книжный шкаф примерно пяти метров в длину и трех – в высоту, заполненный журналами, альбомами и монографиями по искусству. Объем знаний Савицкого в области изобразительного искусства пугающий, его зрительная память хранит впечатления от фантастического количества репродукций, картин, памятников архитектуры, уверен, что в сфере живописи нет ни одной области, где бы он был дилетантом, нет ни одной более-менее значительной персоналии, о которой бы он не знал.

Из соседней комнаты доносится голос Михаила Андреевича:

– А кто сейчас достоин рая? На этом полотне я написал тех, кто достоин рая.

Мне вдруг вспомнилось, что сказал восьмидесятилетний Микеланджело: “По благодати креста и Божьих мук я, Отче, жду, что удостоюсь рая”.

Посетители вышли, и мы начали с разговор о моей представленной картине “Айсберг”. Вышли на Рокуэлла Кента.

Михаил Андреевич сказал:

– Когда-то в Москве я видел выставку Кента. Она произвела мощное впечатление.

Я рассматриваю альбом Кента. В его живописи определенно присутствует какая-то своя музыка. Надо настроиться, чтобы слышать ее. Линии, массы, цвета создают звучание севера, это в себе сущее искусство, от которого отдает холодным воздухом Гренландии и Арктики. Вспоминается отрывок из рассказа Лондона “В дальнем краю”: “Величие окружающего страшило его. Оно было во всем, кроме его самого: в полном отсутствии ветра и движения, в необъятности снеговой пустыни, в высоте неба и глубине безмолвия”. Если суровая красота севера нашла свое воплощение в слове, то та же северная жизнь создавалась и под кистью Кента.

– Искусство Кента – это новое слово, поэтика Крайнего Севера в живописи, это было ново, – заключил Савицкий.

Что живопись и литература занимают главенствующее место в его жизни, это понятно. Он однажды заметил, что прочитал тысячи книг (согласитесь, внушительное количество), об объеме его домашней библиотеки я могу только догадываться. Иногда на столе я замечал ценнейшие книги (Гумбольдт, Бергсон, Византийский сатирический диалог), сегодня на столе я увидел статистику по преступности. Савицкий – это айсберг, подводная часть которого остается закрытой даже для самого внимательного взора.

Вернемся к разговору:

– Я не понимаю, – продолжил он, – почему музыка стала главенствующим видом искусства. Беда в том, что то, что называют популярной музыкой, по сути искусством не является. Создается впечатление, что массы никогда и не испытывали радости от высокой музыкальной культуры.

Пришли мысли о “качестве” человека как таковом. Вспомнился наш разговор о школе. Он заметил, что “качество” человека формируется в школе.

(Сам Савицкий приложил немало сил, чтобы изменить закослелую структуру образования, что, к сожалению, не получило продолжения.)

В этот день я спросил о его корнях.

– Никаких точных сведений о прадедах у меня нет, знаю только мнение, что моя фамилия идет от какого-то польского рыцаря Савицкоса. Вот и рыцарские качества от него, – шутит.

– Интересно ваше мнение по поводу одной проблемы... Два философа, дожившие до старости, Хосе Ортега-и-Гассет и Ницше написали схожие по духу суждения. Цитирую ницшевское: "... некогда люди, свершая круг своего существования, кто – гордо и мощно, кто – глубокомысленно, кто – полный сострадания и готовности помочь другим – все завещали потомству одно учение: наиболее прекрасна жизнь того, кто не печется о ней".

– То есть дурака?

И другое, ортеговское: "Правда, с каждым днем я все более склоняюсь к мысли, что утопично все, что ни делает человек. Он занят познанием, но ничего не познает до конца".

Он перебил:

– То, что говорил Христос, совершенно.

Я продолжил:

– "Он думает, что любит, но вскоре замечает, что не пошел дальше обещаний". И я добавлю, что вся земная, человеческая любовь обречена оставаться на каком-то усредненном уровне. Оба мыслителя сошлись в пессимизме относительно человека, вот этот упаднический вывод последнее время мне отравляет душу. Я прожил двадцать два года, но и за этот короткий срок мне пришлось убедиться, что созидательная, творческая деятельность встречала иногда скрытое, иногда явное противодействие, и я уверен, что и вы на протяжении всей жизни встречались с сопротивлением?

– Да, да, конечно, – громко выговорил Михаил Андреевич, – на протяжении всей жизни.

– Я имею в виду, что всегда существует какая-то болотная, тупая сила.

– Да, да.

– И если ей строго не противостоять, то она пожирает, причем эта слепая, деструктивная воля часто исходит от, казалось бы, образованных людей, культурных учреждений и т. д.

– И моя тактика борьбы была – забрасывать их всех картинами.

Он рассказал об одном эпизоде из жизни: как-то при Хрущеве его обвинили в идеологической диверсии. Дело дошло до ЦК. И вот идет заседание, приехал заведующий отделом культуры ЦК КПСС Шаура, собрались все наши крупные художники для обвинения. Столы около стен зала, Шаура напротив Савицкого, который на отдельном стуле (специально сел). Наши художники давай подбираться к нему, один выступил, второй, третий. И Шаура говорит, примерно так: "А в чем суть разговора? Каков, собственно, предмет разговора?" Савицкий:

– А можно мне ответить на это?

– Да.

– Вот эти господа сочли меня идеологическим диверсантом. И вот им нужен парашют, боятся спрыгнуть.

В зале несколько минут стоял смех. Шаура:

– Ну, ладно, пошутили, а теперь перейдем к делу.

Анекдот? Да. Но были времена, когда он жил в условиях, что называется, травли. Надо было иметь железную волю, чтобы не сломаться: его не любило большинство белорусских художников. Но он просто "забрасывал" всех их картинами. Или еще на эту тему: никогда у него не было трудовой книжки. И вот встал вопрос о пенсии. Он приходит в нужную инстанцию и выдвигает предложение назначить ему пенсию союзного значения.

– За мою прожитую жизнь, с моими званиями я могу считаться пенсионером союзного значения?

– Будьте довольны тем, что вы добились звания народного художника БССР и СССР.

Нет, настоящую его награду никто не заберет.

Хочется сравнить его с планетой. Он двигался по своей предустановленной орбите, история привносила в нее изменения, но не изменяла ее по существу. Да, Савицкий подобен огромной планете, и ничто не смогло изменить

его пути, итог его жизни колоссальный: 150 полотен – достойное количество для художника. Он как отдельная область возвышался и возвышается над перипетиями жизни, его императив – честь, свет разума и шедевр – никогда не отменялся.

Люди, его знающие, согласятся, что эту личность окружает особое силовое поле, которое кроме почтения внушает где-то и страх, как перед мощнейшим умственным механизмом (если так можно выразиться). К нему подходишь не просто как к человеку и не как к знаменитости, а как к Его Величеству Творцу искусства.

19 июня 2005 г.

Пришел к нему в обед. Договорились, что он мне покажет портрет Президента Александра Лукашенко. Он, сидя в кресле, читал Борхеса. Я снова поразился разнообразной литературе, лежащей на столе: от специальных трудов о школе конфуцианства и древнекитайской религиозной литературы до нашего современника И. Басецкого – на столе лежал его какой-то политический труд.

.....

После мы смотрели мой второй “Вид Земли из космоса”. Где Земля избрана в диаметре тридцати сантиметров. Он спросил:

– Так если бы я был в космическом корабле на расстоянии нескольких тысяч километров, она выглядела бы так?

– Да, я просматривал много фотографий. То, что здесь изображено, максимально точно передает правду, может быть, даже на лучшей американской фотографии все не так хорошо видно.

Он вспомнил, что знаком с двумя космонавтами – Владимиром Ковалёнком и Германом Титовым.

– Ну и как, отличаются они от простых смертных?

– Коваленок держится как простой человек. Титов выглядел строже.

– Небожитель? Я читал, что полеты, особенно длительные, по 1–2 месяца, сильно влияли на людей, во всяком случае, можно предположить, что, пробыв столько в космосе, человек будет по-другому смотреть на мир.

– Не знаю, может, это и было с Титовым.

После вспомнили о Лосеве. Точнее, начал я:

– А знаете, он то ли завещал, чтобы его отпели по христианскому обряду, то ли это исполнили без его просьбы, но это было. Отпели в церкви или дома со священником.

– Лосев был христианским человеком. Интересно, что, даже ослепнув под конец жизни, он продолжал работать.

– Он, наверное, диктовал, а жена или другой человек записывали?

– Да, диктовал, у него была феноменальная память. Знаете, после того, как в Москве увидели мой портрет Лосева, там он очень понравился. Лихачев тоже захотел себе портрет моей кисти. Но Лихачев был нестойкий человек.

– В каком смысле, физическом?

– Нет, в другом.

Потом Михаил Андреевич отметил, что сегодня праздник.

– Какой?

– А вы что, не христианин?

– Христианин, – и я показал свой серебряный медальон с отчеканенной Троицей.

– Очень красивая вещь. Так сегодня праздник Троицы, – сказал он. – Бог Отец был вначале, правильно? Тогда Сын кто?

– Отец – творец, но сказано, что и Сын был до сотворения земли.

– А Дух Святой кто? И в то же время Троица всеединая.

– Это загадка – лабиринт для человеческого ума, и не надо надеяться, что ее можно решить.

Я сказал:

– Вдумайтесь в слова: “Святой Дух – смысл всех времен вообще”. Я уже несколько дней подряд вспоминаю эти слова, кажется, Шпенглера. Интересно, что в Евангелии сказано: “И потому говорю вам: всякий грех и хула будут прощены, но хула на Духа Святого не будет прощена. Тот, кто скажет против Сына Человеческого, может быть прощен, тот же, кто скажет против Святого Духа, не будет прощен ни в этом веке, ни в следующем”.

Затем мы подошли к его мольберту. Рядом с ним стояла очень странная и необычная картина, формат где-то 100 на 120 см. Представьте себе черно-зеленое грозное небо, в центре черный овал 60 x 80 см, в овале распятие — Иисус Христос, слева чуть выше Его головы как бы белое солнце со свечением и внизу, над нижним краем картины, — то ли церковь, то ли монастырь.

— Это не просто страшно, в этом есть что-то вонзающееся, леденящее, — сказал я.

Я вспомнил один эпизод, я показывал книгу Рудольфа Штейнера и открыл ему главу с названием “Дух в стране духов после смерти”. Он прочитал, может быть, где-то с полстраницы, потом закрыл и сказал: “Это все бред, никто не знает, что там будет”. Конечно, он задумывается, что же там будет. И эта картина есть плод духовного состояния человека. Что он в нее вложил, какой смысл в этом черном овале, что значит это солнце или вход в Рай? Может быть, эта чернота вокруг Христа означает горечь и зло человека, человеческой жизни и всего человечества?

14 декабря 2008 г.

Михаил Андреевич признается:

— Видел сегодня ночью сон. Во сне события войны повторялись в точности до мельчайших деталей. Столько лет прошло, но все настолько точно, как в действительности. Это было около железнодорожной станции Мекензиевы горы, недалеко от Севастополя. Немцы заняли высоту, насыпь типа кургана, и расположили там пулеметчиков, и железнодорожный путь был таким образом перекрыт. Роте, в которой я состоял, был дан приказ взять высоту. Я запомнил строгий приказ: “Взять высоту”. Рота двинулась в бой, но подниматься вверх было невозможно, пулеметные очереди уничтожали все. Я заметил, что в некоторых местах до самой высоты есть ямы, в них можно спрятаться. У меня была винтовка и обрез, который я держал в правой руке, я очень метко стрелял. И решил для себя так: главное, беречь голову, туловище и руку, и во что бы то ни стало добраться до верха. И так, прячась в ямах, поднимался выше и выше. Высунуть из ямы, сделаю несколько выстрелов и назад, и вдруг замечаю, что пулеметные очереди закончились. Поднимаюсь выше и понимаю — приказ исполнен. Я на взятой высоте. Кричу русским, что я свой, эта битва выиграна. Потом ко мне подошел командир роты и сказал: “Ты не выполнил ни одного приказа”. Я ответил: “Я не мог его даже слышать, в том шуме невозможно было слышать даже собственный голос”. Командир злился дальше, но потом сказал: “Но ты взял высоту, и я должен представить тебя к награде, но с другой стороны, ты действовал не по приказам, и я должен тебя наказать, но я не сделаю ни того, ни другого”. И второй случай со времен, когда я воевал солдатом. Два случая наиболее сильно волновали меня в последующие годы. Это было на той же самой станции, на той же неделе. Немцы тогда заняли станцию. Я действовал не по приказам, весь был увешан гранатами. И решил ползком по рельсам, канавам и впадинам пробираться к немцам. Это было сложно, за местность следили. И вот ползу я, ползу, вдруг слышу громкий смех немцев в метрах десяти-двадцати, там стояла группа солдат, и я бросаю туда гранату, а сам скатываюсь подальше и — ползком назад. И вот до сих пор не могу вспоминать это без волнения, до сих пор совесть неспокойна. Там были простые люди, которых отправили на войну.

— Они пришли на чужую землю убивать.

— Да, конечно, мне объяснили, что я выполнил свой долг. Хотели представить к награде, но в этом случае я сам отказался. И до сих пор тот взрыв не дает мне покоя.

Маршал Жуков как-то заметил о войне: “Тяжкие были годы. Но какое это было и славное время! Человек, переживший однажды большое испытание, всю жизнь будет потом черпать силы в этой победе”. Да, конечно, но темнота войны от этого не становится менее страшной. И теперь ветераны просыпаются в холодном поту от страшных снов. И теперь считают убитых. Прошло пять лет войны, пять лет длился шок, но эта рана распространилась на десятилетия. Ветеранов, к сожалению, через какое-то время не останется, и живой человеческий голос уже не расскажет о смертоносном огне Великой Отечественной войны.

Когда статья была сдана в набор, из Минска пришла печальная весть: Михаил Андреевич Савицкий умер.